

ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

С. А. Дубинко

Исследуется взаимодействие вербального и невербального компонентов речевого общения в эксплицированности и неэксплицированности передаваемой информации. Рассматриваются такие виды неэксплицированности, как информационная неполнота и информационная неопределенность текста. Подчеркивается значимость категории избыточности в общении, которая может быть объективной (обусловленной нормами данного языка) и субъективной (фоновые знания в общении). Фоновые знания, будучи невербальным компонентом общения, включают прагматические значения, знания экстралингвистических факторов общения, энциклопедические знания о культуре, истории и традициях страны изучаемого языка. Рассматривается роль фоновых знаний в интерпретации текста и предупреждении провалов коммуникации.

Studies the role of verbal and nonverbal components of communication in explicitness and inexplicitness of information within a speech unit. The article considers such types of inexplicitness as incompleteness of information and vagueness of the text. It also underlines the role of the category of abundance which may be of two types: objective (which is based on the norms of a language) and subjective (which includes the background knowledge of communication). The background knowledge embraces pragmatic meaning, the knowledge of extra linguistic factors of communication, encyclopedic knowledge of the culture, history and traditions of native speakers. It is an important factor in interpreting and eliminating failures in communication.

Ключевые слова: фоновые знания; неэксплицированность; информационная неполнота; избыточность; прагматические значения; культурный компонент значения.

Key words: background knowledge; inexplicitness; incompleteness of information; abundance; pragmatic meaning; cultural component of meaning.

Введение. Если бы содержание сообщения полностью и недвусмысленно раскрывалось только через языковой контекст, то это привело бы к невероятному увеличению объема текста, с одной стороны, и упрощению передаваемой информации — с другой. Это, вероятно, исключило бы проблемы декодирования сообщения и значимость такой науки, как лингвистическая герменевтика, так как отпала бы необходимость интерпретировать текст и передаваемое им сообщение. Однако в действительности во всем многообразии мыслительной деятельности и передаче всех аспектов и оттенков информации важную роль играют не только вербальные, но и невербальные средства общения. Их соотношение может быть различным с перевесом одних или других. Это позволяет говорить о том, что понятие «общение» шире понятия «коммуникация» и может происходить при ограниченном использовании языковых средств, но при обязательном условии — наличии необходимых фоновых знаний у участников общения. В лингвистике отмечается, что любой текст обладает информационной неполнотой, так как содержание сообщения никогда не выражается в полной мере эксплицитно. Это означает, что коммуниканты должны сами достраивать его до необходимой полноты, декодируя «скрытые смыслы» на основе «фоновых знаний» [1, с. 160], которые получили название «энциклопедической информации» [2, с. 95], «ситуационной информации» [3, с. 82], «затекста» [4, с. 163], «глобально-вертикального контекста» [5, с. 85], «импликаций» [6, с. 190], «пресуппозиций» [7, с. 92]. Многообразие терминов указывает на многоаспектный характер этого явления и интерес к нему со стороны специалистов из разных областей знаний. Разные подходы к изучению этого явления во многом дополняют друг друга, хотя и не снимают в полной мере многих герменевтических проблем в сфере речевого взаимодействия. Само по себе обращение к ним уже является предпосылкой к изучению роли этого многоаспектного явления в эффективном иноязычном общении и, в частности, в процессе межкультурной коммуникации. Представляется, что термин «фоновые знания» более полно охватывает необходимый объем сведений об экстралингвистических факторах общения и более точно передает необходимость владения коммуникантами не только знаниями о системе языка и вербальных средствах общения, но и дополнительными сведениями о данной лингвокультуре, ее истории, традициях, общепринятых нормах общения в той или иной сфере коммуникации, которые органично вплетаются в текст речевого произведения. По сути дела,

все стратегии и тактики речевого общения, тактики ухода от ответа и дипломатические тактики поддержания беседы основываются на определенном балансировании вербальных и невербальных средств общения, без исследования которого невозможно эффективное речевое взаимодействие. Из этого следует, что текст и сообщение хотя и взаимосвязаны, все же не тождественны. Изучение взаимодействия вербальных и невербальных средств общения предполагает исследование тех важных составляющих фоновых знаний, которые являются предпосылкой к успешной коммуникации и решению многих переводческих проблем. Присутствие в структуре фоновых знаний культурного компонента и связанных с ним ассоциаций непременно ведут к адаптации, если мы хотим избежать негативных оценок чужой культуры и культурного шока в общении с иностранцами. Фоновые знания, являясь невербальным средством общения, органично вплетаются в структуру текста (как в устной, так и письменной форме коммуникации) и наряду с другими объективными и субъективными факторами обеспечивают его неэксплицированность или информационную неполноту. Последняя является характерной чертой естественного общения на родном языке и предопределяет сложность восприятия речи собеседника и трудность при изучении иностранного языка в целом, так как все же существует порой заблуждение, что для овладения иностранным языком достаточно знать лишь необходимый минимум вербальных средств общения.

Основная цель работы — рассмотреть, какие трудности возникают на стыке «фоновые знания — система языка» в процессе интерпретации текста сообщения в устной и письменной формах и какими факторами они обусловлены. Изучение взаимодействия вербальных и невербальных средств общения в рамках данной работы направлено на выявление причин неудач и провалов в коммуникации, а также прогнозирование возможных трудностей перевода, обусловленных не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами.

Основная часть. О необходимости владения определенной совокупностью фоновых знаний для успешного участия в процессе коммуникации пишут авторы многих работ по лингвистике, переводу, межкультурной коммуникации. В культуре, как и в языке, могут быть своего рода акценты — результат интерференции различных моделей поведения. Как и от языковых акцентов, от них порой нелегко избавиться [8, с. 64]. Более того, в процессе межкультурного общения выявляются не только акценты, но серьезные различия, обусловленные традициями, историей, нормами поведения и другими экстралингвистическими факторами, кото-

рые могут привести к непониманию и даже культурному шоку. Многие из этих факторов являются причиной неудач как в устной, так и в письменной формах коммуникации.

Проблема фоновых знаний со всей остротой возникла и в лексикографической практике. Относительно бесполезно утверждать, что слово или фраза имеет то или иное значение, если мы не исследуем, в сочетании с какими жестами и интонацией, при каких обстоятельствах они произносятся, что предшествует им, какой существует характер взаимоотношений между участниками общения и т. д. Экстралингвистические факторы, сопутствующие речевому общению, стали предметом исследования по этнографии языковой коммуникации в работе американских ученых во главе с Д. Хаймсом [9, с. 50]. В работах русскоязычных авторов изучение фоновых знаний успешно проводилось в русле лингвострановедения, предмет которого предусматривает общую социальную культуру участников общения. При этом социальная история человека предполагает те его характеристики, которые являются результатом воспитания и возникают в пределах определенной социальной группы или — шире — языковой общности. Сюда относится поведение человека, система его мировоззренческих взглядов, этических оценок, эстетических вкусов и — самое главное — большая часть его знаний [10, с. 13].

Проблема фоновых знаний рассматривается также в теории и практике перевода. Детальное и всестороннее изучение фоновых знаний в контексте проблем интерпретации текста обязательно происходит с учетом ситуации, и в первую очередь ситуации социальной, которая непременно должна описываться на так называемом уровне восприятия и коллективной оценки. В теории перевода появляется и вводится в научный обиход термин «детерминанты процесса перевода» и подчеркивается ограниченность изоляционистского подхода в изучении переводческих проблем [11, с. 143].

Создатели искусственного интеллекта и, в частности, автоматизированных систем обработки текста, моделирующих способность человека понимать текст, также обращались к фоновым знаниям и пытались рассмотреть комплекс связанных с ними проблем [12, с. 173]. Интересные и перспективные результаты в изучении роли фоновых знаний в контексте решения данных конкретных задач были получены и сторонниками фреймового подхода [13, с. 211].

Анализ многочисленных подходов к пониманию фоновых знаний и того, какие из них являются лингвистически релевантными, позволяет сделать вывод о том, что фоновые знания формируют смысловой уровень сознания и существуют в неязыковой среде в форме многочисленных ло-

гических импликаций и пресуппозиций. Их вербализация чаще всего является избыточной и даже неуместной, ибо в противном случае мы рискуем заговорить банальными, общепринятыми для данной лингвокультурной общности истинами. Это противоречило бы принципам коммуникации, которая должна быть не тавтологичной, а эффективной, ориентированной на передачу «с помощью языка такой информации, которая дополняет, но, как правило, не повторяет уже имеющуюся у коммуникантов информацию о соответствующих предметах и явлениях» [14, с. 74].

Фоновые знания, как известно, не исчерпываются языковым сознанием, значениями языковых знаков. Выражением содержания, формой отражения и фиксации действительности может быть не только слово с его объективным значением, но и умения как обобщенный “образ действия”, нормы поведения и т. д. Хотя, как подчеркивает А. Н. Леонтьев, язык — не демиург человеческого в человеке, онтогенетический процесс формирования человеческой психики создается не воздействием самих по себе словесных раздражителей, а является результатом специфического процесса присвоения, который определяется всеми обстоятельствами развития индивидов в обществе [15, с. 378].

Языковое сознание, в отличие от невербального, смыслового уровня сознания, формируется значением слов национального языка. Языковое сознание вообще и значение слова как его фрагмент представляют собой форму структуризации и фиксации общественного опыта людей, знаний о мире. Значение слова само по себе не есть некое «вместилище знаний», а лишь форма презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании. Таким образом, неправомерно сводить реалии и фоновые знания в целом в лингвистическом плане к словам или иным номинативным единицам. Фоновые знания могут вообще не быть представлены в языковом сознании в виде готовых значений языковых знаков, а если и представлены, то далеко не в исчерпывающем виде. Не вызывает сомнения тот факт, что в коммуникации человек формирует первоначально высказывание, а поэтому целостность высказывания есть предварительное условие вхождения в него тех или иных слов и словосочетаний. Другими словами, высказывание не складывается из слов с их значениями, а скорее наоборот, слова с их значениями получают свое реальное существование только в рамках высказываний.

Таким образом, целостность высказывания задается на смысловом уровне как некий образ результата, т. е. представление о цели высказывания. Например, установка «на наречие» — это представление о том, что что-то произошло, осознание чего-то, что где-то как-то произошло, но еще нет самого наречия. Образ результата далее накладывается на пси-

хологическую модель текущей обстановки. Но данная обстановка представляется в нашем сознании не просто в виде неких застывших слепков с предметов и явлений окружающего мира, а в виде определенной динамики находящихся в пропозициональных отношениях образов. Каждый человек хранит в своем сознании определенную сумму накопленных знаний об окружающих предметах и явлениях, о связях между ними, которые закрепляются человеческой практикой и приобретают устойчивый характер. По сути дела, все предметы окружающей действительности выступают для нас как признаки, мысленно и ассоциативно вызывающие образы других вещей. Поэтому на этапе вербализации образа результата создаются психологические предпосылки вызвать желаемый «образ» путем актуализации определенных фрагментов окружающей обстановки, которые и индуцируют в сознании слушающего-читающего пресуппозициональные ряды, составляющие образ результата. Эти устойчивые связи и позволяют нам открыто их не высказывать, но подразумевать, «держат в уме». Таким образом, подлинное осмысление образа результата означает некую реконструкцию в сознании слушающего или читающего модели ситуации общения в узком смысле и модели внешнего мира — в более широком. Весьма важен для лингвистического исследования вопрос о том, где и каким образом сливаются языковые и фоновые знания в одно речемыслительное единство. Фоновые знания существуют и проявляются только в осмысленном высказывании, насквозь пронизывая его и придавая ему многомерный характер. Они представляют собой результат присвоения индивидом как материальных, так и духовных ценностей. Сами по себе фоновые знания могут не иметь к языкознанию никакого отношения, если они являются предметом изучения в рамках других наук, как естественных, так и социальных. Однако лингвистика, изучая теорию высказывания, не может игнорировать фоновые знания и, соответственно, не включать их в свой объект. Но для того чтобы язык сохранил свою территорию исследования и не растворился в необъятном море мыслительного содержания человеческого сознания, коммуникативная лингвистика определяет свой предмет исследования, который представляет собой некий стык «фоновые знания — система языка». Коммуникативную лингвистику, таким образом, интересуют фоновые знания не сами по себе, а с точки зрения того, как в той или иной лингвокультурной общности они, как невербальный компонент речевого общения, вплетаются в текст речевого произведения, т. е. что в языковой коммуникации имплицитруется, а что эксплицитруется. И здесь возникает вопрос о том, как понимать степень передачи содержания мысли, и каковы ее границы в каждом конкретном случае. Если бы все содержание сообщения пол-

ностью и недвусмысленно раскрывалось только через языковой контекст, то это привело бы к непомерному «разбуханию» текста. Участники коммуникации обычно купируют свои тексты в расчете или в надежде на предварительную информированность друг друга, на ясность ситуации. Любой текст, по сути дела, обладает информационной неполнотой (в тексте все содержание сообщения никогда полностью эксплицитно не выражено). При этом переводчик вовсе не обязан эксплицировать все содержание исходного сообщения в тексте перевода. Текст лишь в той или иной степени индуцирует это содержание, и участники коммуникации сами достраивают его до необходимой полноты, декодируя некие скрытые смыслы на основе энциклопедической информации и фоновых знаний. В теории коммуникации известно, что мы не всегда говорим все, что хотим сказать, говорим «намекami». Обращаясь к концепции информационной неполноты текста, В. В. Мартынов отмечает, что «предложениям естественного языка присуща изначальная неэксплицированность смысла вследствие неполноты фразовой или эллиптической – презумпции и неполноты сферхфразовой – пресуппозиции» [16, с.179]. Целесообразно, однако, разграничивать информационную неполноту и информационную неопределенность текста и несомого им сообщения. Известно, например, что туманные речи бывшего государственного секретаря США А. Хейга не только ставили в тупик переводчиков, но и озадачивали американских профессоров и сенаторов. Однако более информированные реципиенты речей А. Хейга поясняли, что его словесная эквилибристика является лишь дипломатической тактикой. Есть мнение, что слишком понятные научные работы кажутся «инфантильными» [17, с. 94]. Существует так называемый «постулат смягчения коммуникативного намерения» как общий принцип языковой коммуникации [18, с. 143]. Имеются даже указания на то, что слушателей не всегда устраивает большой объем передаваемой информации, и, более того, они могут даже быть оскорблены, если им сообщают чрезмерно большое количество языковой информации [19, с. 22]. Очевидно также, что случаи неопределенности сообщений необходимо отличать от случаев их неполноты, обусловленных расчетами коммуникантов на определенную предварительную информированность друг друга, которые благодаря избыточности языка и речи и результирующей помехоустойчивости смысла могут оказаться понятными для адресатов перевода. Под избыточностью языка понимается предсказуемость появления языковых элементов в синтагматических цепочках, возможность угадывания недостающих или искаженных по тем или иным причинам языковых элементов (и, следовательно, возможность понимания смысла

высказывания с пропусками или с искажениями тех или иных элементов, с нарушениями языковых норм), использование большего или меньшего количества языковых элементов, чем это необходимо для передачи данного сообщения. На вопрос *Можно?* в каждой коммуникативной ситуации адресату будет понятно, о разрешении на какой именно акт просит его отправитель данного сообщения: *Можно войти?* или *Можно открыть окно?* Следует различать избыточность объективную (независимые от индивидуального свойства языковых элементов и текста) и избыточность субъективную (многословие, свойственное индивиду, знание им предмета речи, учет им прагматических значений, которые определяются в зависимости от конкретной ситуации и внешних условий общения, понимание экстралингвистических условий общения, учет культурного компонента общения). Для того чтобы правильно определить прагматические значения, необходимо обладать в нужном объеме тезаурусом и фоновыми знаниями, которые у каждого переводчика различны и носят субъективный характер.

Благодаря избыточности, как известно, мы можем правильно понимать тексты, несмотря на наличие в них обмолвок, пропусков слов, эллиптических конструкций. Услышав слова с *гульки*..., можно с уверенностью предсказать, что далее появится слово *нос*, а продолжением начала фразы *To kill two birds...* непременно будет *with one stone* ‘убить двух птиц одним камнем’, ‘убить двух зайцев’. Если ситуация действительности хорошо известна адресату сообщения, мы можем ограничиться высказыванием *Покупайте билеты на Иванова*, в противном случае придется предложить полный текст *Покупайте билеты на концерт пианиста Иванова*.

Известно, что экономия и избыточность в языке и общении зависят во многом от сложившихся в той или иной культуре традиций. Так, например, у индейцев вишрам гость не считает нужным заполнять длинные паузы в разговоре, как это принято у европейских народов, так как у вишрам считается, что сам факт визита выполняет функцию контакта. Таким образом, в одних культурах принято в гостях общаться, обмениваться хотя бы малоинформативными фразами, вести «светский разговор» для поддержания контакта (отсюда прекрасное изобретение англичан — разговор о погоде). С их точки зрения молчать в гостях неприлично. И есть другая традиция: с точки зрения этносов, придерживающихся этой традиции, в гостях говорить слишком много неприлично. Приведенные примеры относятся к области культурного поведения, и при контактах представителей разных этносов незнание ими норм культурного поведения и других элементов культуры друг друга нередко вызывает культурный шок, который приводит к психологическому дискомфорту и отрицательной оценке

чужой культуры с одной стороны, и провалам в коммуникации — с другой. Существуют поддерживающие общение фразы типа *Продолжайте, я вас слушаю; Так, так*, многие из которых в английском языке относятся к области *small talk* — ‘светского разговора’. Анализ приведенных примеров убеждает в том, что понятие общения шире понятия коммуникации и может происходить при ограниченном использовании языковых средств, но при обязательном условии — наличии необходимых фоновых знаний у участников общения.

На наш взгляд, основная задача коммуникативной лингвистики состоит в том, чтобы выяснить, что же читается между строк, на что и как мы намекаем, чтобы выразить то или иное коммуникативное задание. Вскрывая причины возникновения так называемых «смысловых ножниц» между участниками общения, некоторые авторы справедливо отмечают, что адекватным переводом можно считать такую смысловую интерпретацию текста, которая согласуется с основным коммуникативным намерением автора текста (первичной информативностью), что, однако, не исключает появления у читателя ассоциаций, не предусмотренных автором текста (вторичной информативности) [20, с. 207]. Ведь «во всяком тексте всегда будет смысловая скважность, величина которой определяется взаимопониманием партнеров коммуникации» [21, с. 29].

Развивая далее положение о «скважности» текста, определим ее как дискретность перехода от одного смысла к другому, которая является комплексной характеристикой текста, выражающей отношение языковой информации к неязыковой. Смысл текста, таким образом, изменяется в зависимости от экстралингвистических факторов общения, тезауруса участников общения, их фоновых знаний. Коэффициент «смысловой скважности» текста как отношение эксплицированных пресуппозиций к имплицированным может служить достаточно надежным критерием классификации текстов по степени трудности с точки зрения понимания и перевода. Стремясь свести к минимуму информационные потери при переводе, переводчик иногда убеждается, что эта задача невыполнима из-за слитности, синкретичности межъязыковых и межкультурных различий. Русское слово *сутки* можно успешно перевести на английский язык словосочетаниями ‘*day and night*’ или ‘*twenty four hours*’. Однако при переводе поговорки *День и ночь — сутки прочь* могут возникнуть определенные трудности. Английское слово *mistletoe*, исландское *mistilteinn* и русское слово *омела* обозначают один и тот же объект — род вечнозеленых кустарниковых растений. Однако в соответствии с мифом о смерти Бальдра — обязательным чтением в исландской школе — в объем значений слова *mistilteinn*

входит нечто большее: это то, чем злой бог Локи убил светлого бога Бальдра. У английского слова *mistletoe* также имеется свое культурное созначение, отсутствующее у его исландского и русского ботанических эквивалентов: омела в Англии — традиционное украшение дома на Рождество, и с ним связаны определенные культурные традиции. Здесь мы сталкиваемся с культурными ассоциациями, которые относятся к фоновым знаниям. Они являются предметом изучения таких наук, как этнолингвистика, лингвострановедение, и их данные представляют огромный интерес для теории и практики перевода. Именно поэтому переводчику недостаточно быть хорошим лингвистом. Он должен быть отличным этнографом, а это значит, что он не только должен знать все о языке, но и все о народе, говорящем на этом языке. И только тогда он станет чародеем, магом восьмого искусства [22, с. 141]. Сказанное в определенной мере относится к участникам и партнерам делового общения, если они хотят добиться успеха на переговорах и деловых встречах и избежать провалов и неудач.

Было бы наивным рассчитывать на полное выравнивание культур различных этносов или на их полную информированность о культурах друг друга. В области образной речи, в частности, в области тропики (метафор, сравнений, эпитетов и т. д.) почти нет места конвергенции там, где эти пути в разных языках разошлись и сложились свои клише или фразеологизмы. Почти во всех языках для образной положительной или отрицательной) характеристики человека употребляются зооморфизмы. Так, в русском языке для слова *слепой* в отрицательной коннотации чаще принято выражение *слепая курица*, а в английском — *слепой как крот*. Носителям английского языка незачем заменять, скажем, выражение *to drink like a fish* выражением *to drink like a cobbler* с тем, чтобы видеть мир в русских образах, а носителям русского языка по тем же причинам незачем заменять выражение *пить как сапожник* выражением *пить как рыба*. В этом смысле возможны лишь отдельные заимствования, но не полная перестройка образной речи носителей переводящего языка по образцам образной речи исходного языка. В этой области буквальный перевод во многих случаях исключен: *dumb dog* — ‘молчун, слова из него не вытянешь’. Некоторые культурные адаптации оригинала в области образной речи в переводе неизбежны, но часто они нерелевантны для ознакомления с культурой носителей языка и перегружают текст перевода избыточной информацией. Так, нет необходимости переводить на английский язык отрезок *что означает выживание* следующим образом: *One year alone increased the Californian Survival Co. profits four fold* ‘Только за один год при-

были Калифорнийской компании «Сервайвл», что означает «выживание», выросли в четыре раза'. Перевод оригинальных текстов, знакомящих читателей с культурой, научными идеями и техническими достижениями, сам по себе является способом ознакомления с чужой культурой. При этом одному народу понимание прекрасного иногда сильно отличается от представлений о красоте, существующих у других народов. Эстетические идеалы у разных этносов могут значительно отличаться. Например, в бирманской поэзии сравнение с пиявками используется для описания неповторимого изгиба тонких бровей, а приветливый взгляд любимой сравнивается со взглядом белого слоненка. Для говорящих на русском языке белые слонята — экзотика, и какой у них взгляд — носителям русского языка неизвестно. Слон ассоциируется с чем-то громадным и неуклюжим (например, существует выражение *слон в посудной лавке*). Пиявки водятся и в Бирме, и в нашей стране, но, в отличие от бирманцев, пиявки вызывают у русскоговорящих отрицательные ассоциации (например, *приставать как пиявка*). Перевод, расшифровка внутренней формы единиц оригинала знакомят носителей переводящего языка с культурой носителей исходного языка, таким образом приучая носителей переводящего языка к частичному видению мира в языковых образах носителей исходного языка. Причины несовпадения подобных ассоциаций не всегда ясны. Вряд ли можно логически объяснить, почему английский язык особо выделяет *безжизненность дверного гвоздя* 'as dead as a doornail' или *хладнокровие огурца* 'as cool as a cucumber'. Изучение подобных культурных ассоциаций в теории и практике перевода, их интерпретация может предоставить интересные данные для многих специалистов, например этнографов и лингвистов.

Представляется, что изучение роли фоновых знаний в речевой коммуникации является весьма важным предметом исследования в рамках коммуникативной лингвистики, теории и практики перевода, а также таких наук, как психология и этнолингвистика. В ходе совместных исследований могут быть получены данные, которые одновременно будут характеризовать как когнитивное сознание данной лингвокультурной общности, так и ее языковое сознание. Результаты этих исследований смогут пролить свет на тот диффузный слой сознания, который формируется на границе фоновых и собственно языковых знаний и который остается вне предмета логики, психологии, этнографии, а также вне предмета лингвистики. При этом нужно отметить, что имманентные характеристики его в значительной степени могут объяснить национально-культурную специфику речевого общения и закономерности перевода.

Выводы. Изучение «меры скважности» текста весьма перспективно как для коммуникативной лингвистики, так и для теории и практики перевода, которые обращаются к герменевтике — науке о понимании и интерпретации текста для изучения и описания теоретических данных о взаимодействии вербальных и невербальных средств общения. Исследование феномена фоновых знаний, как показал анализ, может способствовать всестороннему изучению таких сложных явлений, как неэксплицированность, которая может быть представлена в виде информационной неполноты и информационной неопределенности. Если первая обусловлена правилами и нормами языка и коммуникации в данной лингвокультуре и не зависит от конкретного индивида, то информационная неопределенность может быть дипломатической тактикой, свойственной тому или иному участнику общения и применяемой им с определенной коммуникативной целью. Неэксплицированность, как свойство любого языка, придает естественный характер общению на этом языке в силу определенных правил коммуникации в целом, а также конкретных традиций, закрепленных в данной лингвокультуре, и особенностей ситуации общения. Изучение объективных и субъективных факторов неэксплицированности — залог успешного и эффективного общения на иностранном языке. Изучение такого явления, как экономия общения, которая характерна для тех или иных культур и сфер коммуникации, также находится в плоскости взаимодействия вербальных средств общения и фоновых знаний, которые включают наряду с культурным компонентом ряд экстралингвистических факторов. Важную роль в создании помехоустойчивости текста и речевого сообщения играет избыточность, которая включает как объективные факторы (правила и нормы языка и общения, не зависящие от индивида), так и субъективные. При этом один из ее субъективных факторов — фоновые знания. Они существуют и проявляются только в осмысленном высказывании, насквозь пронизывая его и придавая ему многомерный характер. Как невербальные средства общения, фоновые знания органично вплетаются в речевое произведение, и интерпретация текста здесь может дать ряд практических рекомендаций, помогающих предсказать провалы в коммуникации. Ее данные могут пролить свет на многие вопросы, в частности, меняется ли объективный смысл текста или же он остается неизменным, а меняются лишь субъективные истолкования и оценки смысла текста его интерпретаторами? Подобного рода субъективные феномены (личностные смыслы, прагматические значения) также являются важным объектом исследования в рамках изучения роли фоновых знаний в успешном общении.

Библиографические ссылки

1. *Верецагин Е. М., Костомаров Е. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1983.
2. *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, 1983.
3. *Галинская И. Л.* Загадки известных книг. М. : Наука, 1986.
4. *Горелов И. Н.* Разговор с компьютером. Психолингвистический аспект проблемы. М. : Наука, 1987.
5. *Задорнова В. Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. М. : Высш. шк., 1984.
6. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературных языков. М. : Наука, 1981.
7. *Колишанский Г. В.* Контекстная семантика. М. : Наука, 1980.
8. *Хауген Э.* Языковой контекст // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 64–72.
9. *Хаймс Д. Х.* Этнография речи // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. VII. С. 50–64.
10. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
11. *Швейцер А. Д.* О детерминантах процесса перевода // Вопросы теории и методики преподавания перевода. М., 1979. Ч. II. С. 143–205.
12. *Чарняк Ю.* Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. Ч. I. С. 173–215.
13. *Minsky M. A.* Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision (Winston). New York : MC-Gaw-Hill, 1975. P. 211–277.
14. *Колишанский Г. В.* Контекстная семантика. М., 1980.
15. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1981.
16. *Мартынов В. В.* Категория языка. Семиологический аспект. М. : Наука, 1982.
17. *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М. : Наука, 1979.
18. *Gordon D., Lakoff G.* Conversational Postulates // Papers from the 7 Regional of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1971. P. 132–156.
19. *Лабов У.* Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 22–76.
20. *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М. : Наука, 1984.
21. *Жинкин Н. И.* Грамматика и мысль // Язык и человек. М., 1979. С. 217–332.
22. *Мунен Ж.* Теоретические проблемы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М. : Междунар. отношения, 1978. С. 36–41.